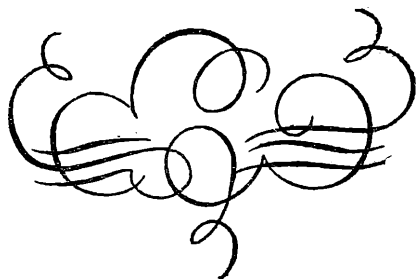

*Академия наук СССР
Отделение литературы и языка*

М. К. АЗАДОВСКИЙ

**ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

*Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва . 1958*

В дальнейшем это «мещанское» течение в фольклористике найдет наиболее полное выражение в многочисленных трудах Сахарова, теория же официальной народности — в деятельности Шевырева.

С ними частично соприкасаются и сибирские беллетристы 30-х годов: И. Калашников («Дочь купца Жолобова», 1831; «Камчадалка», 1833; «Изгнанники», 1834), Н. Шукин («Ангарские пороги», 1835; «Посельщик», 1834 и др.).

Целью этих произведений было, по заявлению их авторов, рассеять ложные взгляды на Сибирь и дать истинное представление о ее природе и быте ее обитателей. Поэтому их повести и романы изобилуют различного рода географическими и этнографическими подробностями, в том числе и фольклористическими. Сибирская беллетристика 30-х годов может послужить источником и для этнографа, и для фольклориста, и для исследователя сибирских наречий. Так, например, в «Дочери купца Жолобова» очень подробно описаны различные стороны русско-сибирского быта: одежда, кушанья, свадебный обряд (в мещанско-купеческой среде) и пр.; в повестях Шукина — разнообразные предания, тексты заговоров и пр. Большое значение имеют эти произведения и для изучения фольклора и этнографии туземных племен Сибири (например, «Камчадалка», «Изгнанники», обе повести Шукина и многие другие).

К представителям того же направления следует причислить и издателя «Отечественных записок» П. П. Свиньина (1788—1839), в журнале которого (1818—1830) видное место занимали вопросы изучения местного быта в его различных проявлениях. В своих «Картинах России...» (1839) он уделил некоторое (небольшое) внимание и фольклору, интерпретируя последний исключительно с точки зрения официальной народности¹. К этому же лагерю относится и Н. Д. Иванчин-Писарев (1790—1849), автор небольшой книжки «Взгляд на старинную русскую поэзию» (1837), отражавшей воззрения архаистов начала века и потому явившейся уже и в то время своеобразным анахронизмом.

§ 4. Главнейшим выразителем передовых идей русского фольклоризма в 30-е годы явился Пушкин. Пушкин выступает не только как непревзойденный мастер поэтической интерпретации фольклорных произведений, но и как один из первых соби-

¹ Полное заглавие книги П. Свиньина — «Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свиньина», СПб, 1839. О фольклоре говорится преимущественно в главе XIII «Посиделки»; его понимание сущности и значения русской народной поэзии с наибольшей отчетливостью выясняется в даваемой им характеристике «подблюдных песен». «Подблюдные песни,— пишет он,— всегда начинались хвалою богу и царскому дому — отличительная черта русского благочестия и усердия к царям; с незапамятных (!) времен пели: «Слава богу на небе, слава! государю нашему на сей земле, слава!» (стр. 163).

рателей и теоретиков. К народной поэзии Пушкин подходил и как поэт, и как ученый-исследователь, и как критик. Он отчетливо представлял себе историческое значение народной поэзии, ее роль в создании национальной литературы и метод, которым должен работать писатель, обращающийся к подлинным фольклорным источникам.

Интерес Пушкина к фольклору очень часто освещался в истории литературы совершенно односторонне и неправильно. Чаще всего в этом видели исключительный факт биографического порядка; с другой стороны, в пушкинском обращении к фольклору стремились видеть отход поэта от прогрессивных идеалов и проявление консервативного восприятия идеи народности¹.

Биографические моменты, конечно, имели некоторое значение, но не им принадлежала решающая роль, и не они определяли характер и формы пушкинского фольклоризма. Для Пушкина, как и для всего поколения 20—30-х годов, в центре литературных интересов была проблема народности. Пушкин неоднократно и по разным поводам останавливается на вопросах о значении народности, формах ее понимания и ее литературной реализации. Такова известная заметка о народности 1826 г.

В ней Пушкин трактует проблему народности как будто лишь в узколитературном плане, однако смысл ее гораздо глубже и значительнее. Это выступление против казенно-патриотических формулировок и против всяких проявлений псевдонародности. Попыткам заключить понятие народности в узкие и ограниченные пределы национальной тематики он противопоставляет могучий размах творчества великих западных писателей (Шекспира, Кальдерона, Расина), постоянно разрывающих эти рамки и остающихся тем не менее национальными гениями. Пушкин выделяет на первый план проблему идеологии: народность определяется не темами, не сюжетами, а идейным содержанием. Народный писатель не может ограничиваться узконациональными пределами, он должен опираться и на широкий опыт мировой мысли и мировой культуры. Пушкин объявлял борьбу различными проявлениями псевдонародности: народности официальной, народности мещан и лавочников Пушкин противопоставлял подлинно народные идеалы и подлинную народную поэзию. Его народно-поэтические подражания, в частности его «Сказки», зна-

¹ Такое понимание находим, например, в известной книге А. И. Незеленова «А. С. Пушкин в его поэзии» (т. I, СПб, 1903; по концепциям Незеленова, фольклор помог Пушкину освободиться от байронических увлечений; он освободился от скептицизма, и в его душе появляются «народные верования» (стр. 222); в советском литературоведении с такими воззрениями смыкались представители вульгарно-социологического метода. Примером может служить статья И. А. Виноградова «Путь Пушкина к реализму» («Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 72—75). Не было изжито советской наукой и узкое биографическое толкование пушкинского фольклоризма (см., например, Ю. Соколов, Пушкин и народное творчество, «Литературный критик», 1937, кн. 1, стр. 121—150).

меновали противопоставление живой фольклорной стихии различным сусальным и псевдонародным формам литературы.

Интерес к фольклору у Пушкина, как и у других представителей его поколения, проявился очень рано; он рано познакомился и с лубочными изданиями XVIII века, и со сборниками Чулкова и Левшина, и с другими аналогичными изданиями.

Памятником этого раннего фольклоризма явилась первая поэма Пушкина «Руслан и Людмила», которую современники приветствовали как новую страницу в русской литературе, что особенно было подчеркнуто реакционной критикой, увидевшей в поэме вторжение в литературу «мужицкой» стихии. Эту точку зрения отчетливее всего выразил Каченовский. Демократический тон первой поэмы Пушкина, несомненно, обусловлен ее фольклорными элементами, и позже своим «Прологом» к поэме (написанным только в 1827 г.) Пушкин счел необходимым подчеркнуть эту народную стихию¹.

Как убедительно показала в своей работе М. А. Шнеерсон, первая поэма Пушкина находится всецело в кругу ранних декабристских настроений; в ней уже отчетливо проявились основные элементы эстетики декабризма. В дальнейшем эти связи еще более крепнут.

Пушкинский фольклоризм тесно связан с декабризмом; в последнем — его корни и истоки. Фольклорные интересы Пушкина в основном складываются и формируются в период южной и михайловской ссылки. Южная ссылка — это время наибольшей близости Пушкина к декабристам. Он встречается в это время с М. Ф. Орловым, С. Г. Волконским, П. И. Пестелем, В. Л. Давыдовым, И. Д. Якушкиным и особенно с В. Ф. Раевским, имевшим огромное влияние на поэта. Декабристы предъявляли к Пушкину совершенно определенные и четкие требования, исторические опыты Пушкина в кишиневский период и его опыты исторических пьес той поры («Вадим») в значительной степени навеяны этими требованиями и теми проблемами, которые ставили перед ним его южные собеседники. Среди этих новых для Пушкина тем и интересов в новом для него аспекте предстали и вопросы народного творчества. Подобно декабристам Пушкин усиленно интересуется на юге казачьим бытом, казачьими песнями, а также песнями «разбойничьими»; поэма Пушкина «Братья разбойники» построена главным образом на мотивах и материале «разбойничьих песен». Относящийся к тому же периоду «Узник» также навеян мотивами этих песен и воспроизводит их тематику и образы.

¹ Более подробно см. М. Азадовский, Литература и фольклор, 1938, стр. 5—65; М. А. Шнеерсон, Руслан и Людмила Пушкина. Очерки из истории русского фольклоризма. «Ученые записки ЛГУ», № 81, Серия филологических наук, вып. XII, Л., 1941, стр. 19—66.

Фольклорные интересы Пушкина в Михайловском являются продолжением тем и интересов, возникших на юге. Пушкин в новой обстановке как бы продолжает начатую ранее работу. Он прежде всего обращается к поискам «разбойничьих песен», и первыми его записями в Михайловском были песни о Степане Разине. Образ Разина привлекает его внимание и объединяется в его сознании с образом другого вождя крестьянского восстания — Пугачева. К этому периоду относится его знаменитое письмо к брату, где он просит прислать какие-либо исторические материалы о Разине («единственном поэтическом лице русской истории») и биографию Пугачева. Интерес к этим темам не прекращается у Пушкина и далее; в его литературных интересах одно из центральных мест начинает занимать фольклор крестьянских восстаний. В 1833 г. Пушкин совершает поездку в Оренбургскую губернию для изучения на месте Пугачевского движения и главный упор делает на собирание песен и преданий, относящихся к Пугачеву. Таким образом, Пушкина с полным правом можно назвать, как это уже и указывалось в печати, основоположником собирания пугачевского фольклора. Можно определенно утверждать, что Пушкин до самого конца считал эту бунтарскую линию в русском фольклоре центральной и основной. Так, например, в 1836 г. Пушкин по просьбе французского литератора Лева-Веймара сделал ряд переводов русских народных песен на французский язык. Несомненно, он выбирал такие, какие считал наиболее важными и характерными. Всего он перевел одиннадцать песен, и из них было семь разбойничье-казацких, в том числе две песни о Разине и песня «Не шуми ты, мать зелена дубравушка», которая в «Капитанской дочке» именуется «любимой песнью Пугачева». Лирическая унылая песнь представлена только одним образцом. Таким образом, здесь вновь ярко проявилась декабристская точка зрения.

Но фольклоризм декабристов, как и их историзм в целом, был еще условен и статичен: в их исторических пьесах не было ощущения духа эпохи; их представления о культуре, как удачно сформулировал Г. А. Гуковский, были «неподвижны». «Рылеев мыслил русскую героиню, как неподвижную, — пишет он, — т. е. лишен был историзма как принципа мировоззрения, заставляя русских героев всех веков говорить, мыслить и действовать, как декабристы»¹.

Это наблюдение вполне применимо и к лирике Катенина, Одоевского и других декабристских поэтов. Пушкин преодолевает этот метод; он выдвигает новую задачу: раскрытие подлинной исторической действительности, но не в плане объективного, только этнографически верного повествования, а с позиций сегодняшнего дня; исторические образы должны были также сви-

¹ «Известия Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, 1940, № 2, стр. 61.

детельствовать о современной поэту действительности, но это раскрытие современности мыслилось не путем «исторического маскарада», но путем правдивого воссоздания исторического прошлого и художественно верного изображения духа эпохи.

В ранних пушкинских вещах мы еще встречаем отголосок этого рылеевского понимания, но его «Борис Годунов» знаменует уже новый путь, завершением которого являются «Капитанская дочка» и «Сцены из рыцарских времен». В них сливаются воедино историзм и фольклоризм, особенно характерна «Капитанская дочка» с ее народной речью, пословицами, песнями, сказками: она точно целиком пронизана фольклором, и эта подчеркнутая фольклорность повести как бы раскрывает и ее смысл и смысл движения Пугачева, которое Пушкин считал глубоко народным. Таким образом, фольклорные элементы «Капитанской дочки» — не просто эстетический прием, но поэтическое выражение определенной политической концепции, в свете которой осмысливается и пушкинская концепция фольклора в целом.

В некоторых историко-литературных исследованиях встречаются утверждения, рассматривающие пушкинский фольклоризм в целом как «романтическое стремление» к «*souleur locale*» или вообще к экзотике. Этим объясняется, по мнению авторов этих концепций, интерес Пушкина к народам Кавказа, к цыганам и молдаванам, к поэзии славян,— в этом же плане следует, с этой точки зрения, рассматривать и интерес Пушкина к русскому фольклору и русской народности, с которой вплотную он познакомился во время вынужденного своего пребывания в Михайловском. Однако такие объяснения в корне порочны. Стремление Пушкина к народности не имеет ничего общего с экзотизмом; оно является скорее его преодолением и историческим осмыслением; фольклоризм Пушкина неразрывно связан с его историзмом. Чем более задумывался он над проблемами истории, тем более настойчиво вставали перед ним проблемы фольклора. В этом плане вскрывается и смысл его отношения к фольклору других народов России: здесь тот же путь к историзму, к пониманию фольклора как одной из форм постижения духа народа в его исторической конкретности.

Вместе с тем фольклор в сознании Пушкина был неразрывно связан с вопросами языка. Проблема «просторечия» возникла в русской литературе и науке еще в XVIII веке; наибольшую же популярность и остроту приобретает вопрос о простонародной речи — о ее историческом и эстетическом значении и о праве на включение в литературную речь — в первые годы XIX века, причем подобно тому, как это имело место в спорах о фольклоре, «проблема просторечия» приобретает различные очертания, являясь выражением то архаических и консервативных тенденций, то, наоборот, прогрессивных и демократических. Отстаивание прав просторечия у Шишкова было связано с его общей шовинистически-охранительной позицией: простонародный язык рас-

сма­тривался им как один из эле­мен­тов, ко­то­рый вкупе с на­род­ной поэ­зией дол­жен был укрепить «исти­нно на­ци­ональ­ную» сти­хию и слу­жить про­ти­во­дей­ствием раз­ру­ши­тель­ным влия­ни­ям, шед­шим из За­пад­ной Ев­ро­пы. Но побор­ни­ка­ми на­род­но­го язы­ка вы­сту­па­ли и декаб­ри­сты, рас­сма­три­вая его в од­ном ря­ду с па­мят­ни­ка­ми под­лин­ной на­род­ной поэ­зии. От­стаивание ли­те­ра­тур­ных прав про­сто­ре­чия вхо­дило в канон эсте­тики декаб­ризма и ор­га­ни­че­ски вклю­ча­лось в его борьбу за ре­во­лю­ци­он­ный па­три­отизм и на­ци­ональ­ное ре­во­лю­ци­он­ное соз­на­ние. Ха­рак­терно, что Гне­дич счел воз­мож­ным и нуж­ным вве­сти об­ласт­ные слова в пе­ре­вод «Илиады».

На всем про­тя­же­нии пер­вой тре­ти XIX ве­ка во­прос о про­сто­ре­чии вы­сту­пает су­ще­ствен­ней­шим ком­по­нен­том в раз­ра­бот­ке об­щей про­бле­мы на­род­но­сти и в борь­бе за ее под­лин­ное по­ни­ма­ние. Это обу­сло­ви­ло и по­вы­шен­ный ин­те­рес к его изу­че­нию, осо­бо обост­рив­шийся в свя­зи с об­щим ин­те­ре­сом к на­род­ным дре­в­но­стям и ста­рин­но­му бы­ту на­ро­да. В ча­ст­но­сти, ис­то­ри­че­ское зна­че­ние «про­сто­на­род­но­го язы­ка» весь­ма под­чер­ки­вал Каче­нов­ский, при­вив­ший ин­те­рес к нему и сво­им мно­го­чис­лен­ным учени­кам. В на­чале ве­ка изу­че­ние на­род­но­го язы­ка, со­би­ра­ние и пуб­ли­ка­ция об­ласт­ных слов и­дут па­рал­лельно с изу­че­нием на­род­ной сло­вес­но­сти, ино­гда да­же опе­ре­жая по­след­нее. В жур­на­лах и тру­дах ли­те­ра­тур­ных об­ществ по­яв­ля­ются в боль­шом ко­личестве раз­лич­ные круп­ные и мел­кие сло­ва­ри­ки мест­ных «про­вин­ци­аль­ных слов» и выра­жений, сло­ва­ри про­фес­си­ональ­ные («вол­же­ход­цев», т. е. бу­рла­ков, тор­гов­цев, офеней и пр.), а в од­ном из вы­пус­ков «Тру­дов Во­ль­но­го об­щества лю­би­те­лей рос­сий­ской сло­вес­но­сти» были по­ме­щены слова «не­из­вест­но­го язы­ка», в ко­то­рых нуж­но видеть пер­вую пуб­ли­ка­цию ма­те­ри­алов так на­зы­вае­мо­го «блат­но­го язы­ка»¹. На­и­бо­лее энер­гич­ным про­па­ган­дистом изу­че­ния на­род­но­го язы­ка и рев­но­ст­ным со­би­ра­те­лем ди­алек­то­ло­гиче­ских ма­те­ри­алов был М. Н. Ма­ка­ров.

Но од­но­вре­мен­но звучали и дру­гие суж­де­ния: разда­ва­лись го­лоса про­те­ста и про­тив чрез­мер­но­го пре­увели­че­ния зна­че­ния об­ласт­ной ре­чи, и про­тив из­лиш­ней под­ра­жа­тель­но­сти на­род­

¹ О ранних ди­алек­то­ло­гиче­ских пуб­ли­ка­циях см. у Н. Тру­би­цына (стр. 296—298); его же за­мет­ка: «Из на­чаль­ных глав ис­то­рии рус­ской ди­алек­то­ло­гии», «Рус­ский фи­ло­ло­гиче­ский вест­ник», т. LXIX, вып. 1, стр. 147—149 (о за­писях И И Ла­же­ч­ни­ко­ва в Са­ра­тов­ской и Пен­зен­ской губ.); см. также: В. В. Ви­но­гра­дов, Очер­ки по ис­то­рии рус­ско­го ли­те­ра­тур­но­го язы­ка XVII—XIX ве­ков, изд. 2. М., 1938 (осо­бен­но стр. 207—310). В кни­ге Н. Тру­би­цына при­ве­ден (не ис­чер­пы­ва­юще) спи­сок ди­алек­то­ло­гиче­ских пуб­ли­ка­ций в «Тру­дах Об­щества лю­би­те­лей рос­сий­ской сло­вес­но­сти», по­путно ука­заны и не­ко­то­рые дру­гие глав­ней­шие пуб­ли­ка­ции, на­при­мер «Новей­шие лю­бопыт­ные и до­сто­вер­ные по­ве­ст­во­ва­ния о Вос­точ­ной Си­бири» (Се­мив­ско­го), СПб, 1817, ста­тьи и кни­ги И. Ка­лай­до­ви­ча, от­дель­ные пуб­ли­ка­ции в «Вест­нике Ев­ро­пы» и т. д. По­пыт­ка П. К. Си­мо­ни дать пол­ный обзор и свод ранних ди­алек­то­ло­гиче­ских за­писей (П. К. Си­мо­ни, Рус­ский язык в его на­ре­чиях и го­во­рах, вып. 1, ч. 1, СПб, 1899) оста­лась, к со­жа­ле­нию, неза­вер­шен­ной.

ному языку, и даже вообще против включения диалектизмов в состав литературной речи, рассматривавшегося как «засорение» и порча языка.

Наконец, бралась под сомнение самая необходимость и польза усиленного собирания и публикации диалектологических материалов. Тот же Полевой, восхищавшийся примитивной «грубостью» народных песен, выступает против внесения в литературную речь диалектизмов, именуя их «исковерканными уездными словами». Требовал осторожности в пользовании областными словами и Сомов.

Практически эту задачу разрешил Крылов, указавший «новые пути синтеза литературно-книжной традиции с живой русской устной речью»,¹ теоретически же наиболее глубокое разрешение проблема просторечия нашла у Пушкина.

Вопрос о просторечии для него лишь органическая часть общего вопроса — о народной словесности в целом. Известные его высказывания о сказках и их языке, его советы молодым писателям прислушиваться к речи простолюдинов и просвирен, учиться на сказках русскому языку и т. п. достаточно ясно выражают точку зрения Пушкина на значение и смысл народного языка. Особенно же отчетливо эта точка зрения формулирована им в известном высказывании о «зрелой словесности»: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и странному просторечию». Дух народа, его историческое формирование, система его мыслей проявляются не только в созданиях его творчества, но и в самом языке. Характерно, что Пушкин один из первых понял необходимость при записи сказок и песен сохранять наиболее характерные особенности говора².

Чрезвычайно интенсивна была и собирательская деятельность Пушкина. К середине 30-х годов у него составилось небольшое, но довольно разнообразное собрание сделанных им записей.

¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков, изд. 2, М., 1938, стр. 224.

² О роли просторечия в выработке русского литературного языка см. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века (т. I, Киев, 1941), а также названные выше «Очерки...» В. В. Виноградова. В последнем труде подробно освещен и вопрос об отношении Пушкина к просторечию. «Пушкин отстаивает литературные права народной поэзии, «простонародного» крестьянского языка и тех стилистических пластов городского просторечия, которые были близки к нему» (стр. 257—258); «Простонародную речь Пушкин противопоставлял языку «дурного общества», т. е. языку полуинтеллигенции, представлявшему пеструю смесь грубых, мещанских, областных выражений с напыщенными, вульгарно-книжными оборотами» (стр. 258). Все это связано у Пушкина, по формулировке исследователя, с выработкой «нового демократического, национально-литературного языка», явившись одним из основных этапов «широкой национальной демократизации литературной речи» (стр. 267—268).

Он записал (в подробных конспектах, с сохранением многих подлинных выражений) ряд сказок от Арины Родионовны; в Михайловском же записал несколько исторических песен (в том числе и песню об Аракчееве), большое количество лирических и свадебных песен (все эти записи приведены в изд. «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», подгот. к печати и комментарии М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер, М.—Л., 1935; см. также «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия», 1911—1929); причем в свадебных песнях он тщательно отмечал приуроченность каждой песни к тому или иному моменту обряда.

В 1826 г. Пушкин совместно с С. А. Соболевским задумывает издать сборник народных песен. Этот замысел еще не освещен с достаточной полнотой¹ в литературе, и о нем можно судить только по некоторым намекам и скудным упоминаниям в письмах и мемуарах того времени. На основании имеющегося материала можно думать, что задача издания рисовалась по-разному тому и другому: Соболевский больше интересовался изданием образцового песенника, Пушкин же думал о научном издании и очень серьезно готовился к этой задаче; так, в частности, он занимался сличением и упорядочением вариантов напечатанных ранее песенных текстов. Киреевский, вплотную уже приступивший к собиранию песен, предлагал даже (в 1832 г.) передать Пушкину свои записи; в дальнейшем, однако, Пушкин не осуществил своего намерения и сам передал все свои материалы Киреевскому (так же как и Соболевский), обещая написать к его изданию предисловие; обещание осталось неосуществленным, но план этого предисловия вместе с планом издания сохранился

¹ В частности, не выяснена и роль Соболевского в этом предприятии; нужно, однако, считать ее очень значительной. Имя известного друга Пушкина, Сергея Александровича Соболевского (1803—1870), вообще выпало из истории русской фольклористики, между тем ему принадлежит в ней определенное место, размеры которого еще недостаточно учтены. Соболевский чрезвычайно интересовался народной поэзией и обладал замечательным собранием печатных и рукописных песенников; в частности, он приобрел собрание песенников Сопикова и составленный им сводный сборник песен. Этот сборник Соболевский позже предоставил в распоряжение П. В. Киреевского (см. «Чтения в обществе истории и древностей российских» за 1848 г., № 9, стр. 145—226); из этого собрания Соболевского обильно черпал материалы для своих примечаний к сборникам П. В. Киреевского Бессонов. Соболевский был ревностным вкладчиком в собрание Киреевского и позже содействовал его изданию в «Обществе любителей российской словесности» (см. В. Саитов, Соболевский — друг Пушкина, СПб, 1922, стр. 17). К изданию сборника совместно с Пушкиным Соболевский готовился очень тщательно.

В декабре 1831 г. он сообщал из Италии С. П. Шевыреву, что «собрал из своих и русских книг до 700 русских песен». Соболевский знакомил с русской народной поэзией Мицкевича и Мериме; он же был посредником между последним и Пушкиным в связи с переводами поэтом стихотворений из сборника «Guzla», которые он первоначально также принимал за подлинные народные песни,

в бумагах поэта и показывает, как широко смотрел Пушкин на задачи издания и изучения. Он намечал путь развития исторических песен, строго отделял от древних исторических песен позднейшие солдатские, выделял казацкие и намечал основную тематику каждого раздела. Особую главу Пушкин предполагал посвятить свадебным песням, подчеркивая связь их «элегического тона» с семейным бытом. Наконец, видное место в этом эскизе занимали вопросы поэтики: отрицательные сравнения, мера, рифмы и пр. Помимо этого плана (вернее, черного наброска к плану), сохранился еще один отрывок, назначение которого еще не вполне выяснено. С. М. Бонди полагает, что это набросок начатой Пушкиным статьи по истории русской литературы. Но возможно, что этот план как-то связан и с планом статьи о русских песнях. Во всяком случае, данный отрывок (программа статьи) вскрывает, как правильно и отчетливо понимал Пушкин основные проблемы, связанные с сущностью и развитием народной поэзии. Из этих строк явствует, что Пушкин противопоставлял пути русского фольклора и пути древней литературы. Последняя была замкнута и изолирована, первый обнаруживает культурные связи русского народа. Это противопоставление очень знаменательно и значительно опережает свое время. Для современников Пушкина было обычным сближение и смешивание этих стихий, что было вполне естественно при архаическом понимании сущности народной поэзии.

Замечательна по своему предвосхищению позднейших научных взглядов мысль Пушкина об иноземных элементах в русском фольклоре. Присутствие этих чуждых элементов в русском фольклоре ничуть не смущает Пушкина и не кажется ему нарушающим подлинную народность фольклора. С точки зрения Пушкина, эти иноземные элементы дают возможность еще более ясно выразить национальную сущность фольклора. В плане Пушкина так набросано: «народность сказок — пересказать по-своему», т. е. сказка может усваивать и чуждые материалы, но перерабатывает их по-своему, внося в них новое содержание и новый смысл.

Литературная практика Пушкина стоит в неразрывной связи с его теоретическими воззрениями на народную поэзию, ее сущность и значение. Фольклор привлекает Пушкина не своей археологической стороной, но стороной действенной, своей живой связью с народом, с современностью. Этот момент особенно для него дорог. Так, например, в заметках по поводу «Слова о полку Игореве», которое мыслилось им в одном плане с фольклором, он тщательно подчеркивает связь автора «Слова» с современностью. Фольклор для Пушкина, как и для Радищева, является самовыражением народа и формой национального самосознания. Связь литературы с фольклором представляется особенно важной потому, что последний вносит в нее подлинные черты народности. В ряде заметок Пушкин прослеживает пути развития ве-

ликих национальных литератур и констатирует огромную организующую роль, которую сыграла в их создании народная поэзия.

Эту систему воззрений на фольклор можно охарактеризовать как реалистическую концепцию фольклора. Она решительно противостоит тому пониманию, которое устанавливали немецкие романтики и любомудры. Идеализация старины и средневековья, культ примитивизма, религиозные тенденции — эти основные элементы германского фольклоризма — были совершенно чужды Пушкину. Романтикам даже поэзия Гете представлялась менее значительной, чем какая-нибудь старинная мифология, для Пушкина же творчество великих писателей — высший пункт развития тех начал, которые выражены в фольклоре. Так, Пушкин подчеркивает, что из драмы, родившейся на площади, вышли Вега, Кальдерон, Шекспир.

В этом отрицании идей германского фольклоризма Пушкин смыкается с теми прогрессивными тенденциями, которые были выражены в фольклоризме Байрона и французского романтизма. Немецкий фольклоризм опирался на национальное средневековье, французский — в лице Фориэля и его школы — вышел из идей французской революции и ориентировался на национально-освободительную борьбу народов. Фольклоризм Пушкина формировался в атмосфере революционных тенденций декабризма. Это и обусловило особое место пушкинского фольклоризма не только в истории русской литературы, но и в истории науки о фольклоре.

Естественно, что пушкинское понимание фольклора и его литературная практика в этом отношении оказались в центре литературных споров и направлений 30-х годов. С наибольшей остротой это сказалось при появлении его «Сказок». «Сказки» знаменовали собой совершенно новую точку зрения на задачи и метод поэтической работы на фольклорном материале. Первые сказки были написаны в 1831 г., одновременно со сказкой Жуковского, с которым Пушкин вступил как бы в соревнование. Их опыты знаменовали различные точки зрения и различные исходные позиции. Жуковский решал вопрос в стиле и духе немецких романтиков. Подобно им он совершенно свободно обращается с духом и стилем народной сказки. Народным в его переделке остается только сюжет, но стиль, мировоззрение героев, их дела и мысли, их поступки уже не имеют ничего общего с народной стихией. Иным представляется метод Пушкина. Пушкин прежде всего стремится сохранить народную точку зрения, что, между прочим, тонко подметил еще А. М. Горький. Эта народная точка зрения ощущается не только в содержании, но и в стиле. В этом основная сущность художественного метода пушкинских «Сказок».

«Сказки» Пушкина, как и весь его фольклоризм в целом, были одним из этапов его борьбы за простоту и народность

в искусстве. Это было вместе с тем борьбой за демократизацию литературы, и потому «Сказки» очень скоро оказались в центре литературных споров, в которых очень полно и ясно отразились основные линии фольклоризма 30-х годов и исходные классовые позиции полемизирующих между собой групп. Этот как будто чисто литературный эпизод представляет огромную важность и в истории фольклорных изучений, так как в этом споре определились и теоретические позиции.

«Сказки» Пушкина явились, таким образом, одной из крупнейших вех и в истории русской литературы, и в истории русского фольклоризма в частности. Они ознакомили и новый метод, и новую точку зрения. Они ознакомили обращение к новой социальной силе как новому творческому источнику. Это было в полном смысле слова вторжением в литературу подлинно народной стихии.

Понятно, почему именно сказками открывается этот период. Народные сказки издавна пленяли и очаровывали Пушкина своей художественной прелестью, своим сочным, образным языком, богатой и сочной фантастикой, полнокровным реалистическим духом. Он требовал от молодых писателей внимательного и пристального чтения народных сказок, чтобы научиться русскому языку, и на авторитет сказок опирался сам в своих спорах с критиками, главным образом в вопросе о языке. Наконец, в сказках он видел как бы синтез всех элементов фольклора. В фольклоре Пушкин более всего ценил выражение самых светлых сторон русского народа: ясность мысли и свежесть вымысла, светлое и бодрое отношение к действительности, идеал свободы и героизма, пафос удали и ироническую насмешливость, лирическую задушевность. Все эти элементы особенно характерны для русских сказок; их и стремился воплотить Пушкин в своем творчестве.

Однако в литературе того времени «Сказки» Пушкина вызвали решительное осуждение; они встретили отрицательную характеристику и в среде Любоумров, и на страницах «Московского телеграфа» (Н. Полевой), и на страницах «Телескопа» (Надеждин). К этим отрицательным оценкам, правда с других позиций, присоединился несколько позже и Белинский. Любоумровы предпочитали Пушкину опыт Жуковского; Полевой отнесся отрицательно и к Жуковскому и к Пушкину, так как в их новой литературной практике видел уход в старину и бегство от запросов современности. Передовое прогрессивное значение «Сказок» поняли в то время немногие. Одним из них был Гоголь, в вопросах народности стоявший на позициях Пушкина. Позже это значение будет понято представителями революционной демократии, и, наконец, почти в наши дни прогрессивный смысл пушкинских сказок отчетливо раскрыл Горький.

Высказывания Пушкина по вопросам фольклора, его планы собирательской работы и понимание задач изучения не были только фактами его личной биографии, но оказали несомненное

влияние на дальнейшее развитие науки о народной словесности. Пушкин поддерживал собирательскую инициативу Киреевского и Сахарова и привлекал последнего к участию в «Современнике», поддерживая призывы «Московского вестника» к работе над собиранием и изучением народно-поэтических памятников и т. д. И очень характерно, что Киреевский именно к Пушкину решил обратиться за предисловием к будущему сборнику. Мы еще не знаем подлинного размера непосредственного пушкинского влияния в работах ранних фольклористов, но, например, безусловно хорошо осведомленный Шевырев категорически заявлял о прямом воздействии мнений и высказываний Пушкина на собирателей 30—40-х годов ¹.

¹ См. С. Шевырев, История русской словесности, ч. I, изд. 3, 1859, стр. СХVIII.

